

Н.В.Брусилова

[О клевете Вс. С.Соловьева]¹

Мама² отсутствовала несколько недель и, вернувшись, рассказывала нам много о необычайных феноменах, о необычайных встречах с необычайными людьми. Мне запомнились имена таких людей, как Фламарион³, де Вогюэ⁴ и наш русский писатель Всеволод Сергеевич Соловьев⁵. В последнего мама положительно влюбилась и восхищениям ее этим «чудным человеком» не было конца. За ней и мы все воодушевились, и пошла горячая переписка с Парижем. У меня сохранилось много его писем. Что из этого вышло потом? Много, много очень серьезных неприятностей и даже горя. Мне часто думается, что он был причиной смерти и тетки нашей⁶, и матери, так как старые их сердца были окончательно надорваны и не вынесли простых простудных инфлюэнций и легкого воспаления в легких, как у мамы. Слишком измучились они и исстрадались обе историями с этим «чудесным», по маминому первоначальному определению, человеком. Скажу вкратце то, что знаю твердо. Если желательно в будущем кому-либо из теософов подробно разобраться в этой путанной истории, на то есть много документов и писем, которые я оставила в Париже у М.И.Отман де Вилле⁷. Ни мать наша, ни я никогда теософами не были. Мама интересовалась этим обществом потому, что ее сестра его основала, и потому, что вообще интересовалась всякими отвлеченными вопросами и необъяснимыми наукой явлениями. Мы же с сестрой Леной⁸ были молоды и глупы и ровно ничего не понимали. Наша мать была типичной представительницей [18]50 и [18]60-х годов, образованной, умной, с громадным сердцем, душевной отзывчивостью, доверием к людям, но и романическими фантазиями, оставившими большой след во всем, что она писала. Повторяю: она увлеклась симпатией к милому, талантливому, изящному русскому писателю, исторические романы которого всегда читала с удовольствием. Она глубоко сочувствовала хорошенькой, молоденькой его второй незаконной жене⁹, родной сестре его первой настоящей жены. И у той и у другой было по ребенку. Первая со старшим его мальчиком жила в Петербурге, вторая с крошечным сынишкой скрывалась в Париже. Зачем-то ему понадобилась наша бедная мама, и начал он ей рассказывать о своем горе, о своем грехе, который ни церковь, ни императорский двор (он был камер-юнкером) ему не простят, стал уверять ее, что мама и ее семья, т.е. мы, заменим ему семью, отказавшуюся от него; много, много чего он рассказывал и чему мать моя верила и жалела его и готова была всячески ему идти на помощь. Когда, более чем год спустя, мы были уже в Петербурге¹⁰, а он приехал из Парижа добиваться развода с первой его женой, пока адвокат его Болотов раздобыл вид на жительство для его второй жены, она не могла показаться в Петербурге с ним, а приехав позднее, остановилась у нас, так как ни ее, ни его родные ее не принимали ни на один день, а в гостиницу попасть без паспорта тоже было невозможно. Ее с ребенком мать наша буквально

¹ Публикуется по: *Брусилова Н.В. Мои воспоминания и записки с детства // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 19а.*

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

Надежда Владимировна Брусилова (1864–1938) – писательница, общественная деятельница, дочь В.П.Желиховской, с 1910 г. жена военачальника Алексея Алексеевича Брусилова (1853–1926).

² Речь идет о писательнице и драматурге Вере Петровне Желиховской (1835–1896), которая в мае-июне 1884 г. гостила у Е.П.Блаватской в Париже.

³ Камилль Фламарион (1842–1925) – французский астроном и писатель, интересовался сверхординарными явлениями природы и парапсихологией, член Теософского общества, часто и продолжительно общался с Е.П. Блаватской.

⁴ Эжен-Мельхиор Вогюэ (1848–1910) – французский дипломат, писатель-путешественник, археолог, меценат, литературный критик, историк литературы.

⁵ Всеволод Сергеевич Соловьев (1849–1903) – писатель, поэт, критик, издатель, автор клеветнической книги о Е.П.Блаватской «Современная жрица Изиды» (1892).

⁶ Е.П.Блаватская.

⁷ А в 1932 году передала в русский заграничный архив в Праге. – *Примечание Н.В. Брусиловой.*

Мария Ивановна Отман де Вилле (урожд. Зилоти, ?–1944) – близкая подруга Н.В.Брусиловой, общественная деятельница, с 1935 г. председатель Теософского общества в Париже «Lotus Blanc» («Белый лотос»).

⁸ Елена Владимировна Желиховская (1874–1949) – общественная деятельница, дочь В.П.Желиховской.

⁹ Елена (Адель) Осиповна (Иосифовна) Ламкерт (1860 – после 1917) – жена Вс. Соловьева с 6 января 1886 г.

¹⁰ Осенью 1885 года.

облагодетельствовала, нисколько не считаясь с ее нелегальным положением, ни с тем, что у нее самой в доме было три молоденьких дочери. Нужно вспомнить, что это были восьмидесятые годы, и взгляды, традиции и правила, царившие в обществе того времени, чтобы оценить услугу моей матери им обоим. Он и благодарил ее, и плакал, и целовал ей руки. А спустя некоторое время заявлял печатно, что искал дружбы с мамой и с нами, чтобы узнавать всю подноготную о Блаватской, войти в доверие нашей семье, чтобы вернее следить за ней. Он обманывал нас, нес небывшие на свою родную семью, перессорил нас с мамиными родными, восстанавливал нас, детей, против родной матери и ее сестры, одним словом, закрутил такую трагедию и комедию, что мы буквально были ошеломлены. Клеветы, сплетни и ссоры между Парижем, Петербургом и Одессой в письмах были чудовищны. В конце концов, он издал свою знаменитую, пасквильную, лживую книгу «Современная жрица Изиды», в которой облил грязью Елену Петровну Блаватскую и ее Теософическое общество, а попутно и мать нашу и ее тетку, Надежду Андреевну Фадееву¹¹. Мать моя издала ответную брошюру – «Современный жрец истины»¹². В России и за границей создан был скандал вокруг этого дела, и очень скоро после этого умерла наша мать, а ранее, еще до выхода его книги, когда появлялись отдельные его статьи в газетах и журналах, умерла Елена Петровна Блаватская. И когда вспомню, как он вначале говорил лично мне: «Ваша милая тетя Лёля¹³ даст мне денег на издание теософического журнала в Париже. На то у нее есть ее индусские чудодееи и Махатмы». И когда вспомню, что денег этих у тети не оказалось, и она не могла их ему дать, а друзья ее из Индии написали ей, что это неверный человек, – для меня становится все ясным. Но что мы пережили! Господь с ним! Я написала только голые факты. Он говорил нам: «Если она, Блаватская, не сделает того, что я хочу, – я отомщу ей». И отомстил.

Добавление

На страницах 72, 73 и 74 я говорю о несчастной истории в нашей семье с Всеволодом Сергеевичем Соловьевым, но недостаточно подробно останавливаюсь на том, в чем собственно было дело. По правде сказать, мне тяжело этого касаться. Теперь, когда я сдаю все семейные письма и бумаги в Русский заграничный архив в Праге, я отдала также все имеющиеся у меня на руках материалы по этому делу. Перечитала много писем этого печальной памяти романиста и считаю нужным подробнее рассказать суть дела и в моих заметках. Всеволод Соловьев был камер-юнкером двора Его Величества, сыном заслуженного русского профессора истории Сергея Михайловича Соловьева¹⁴, братом профессора, философа Владимира Соловьева¹⁵, сам он писал талантливо и интересно свои романы и приобрел ими довольно большую известность¹⁶. В период нашего знакомства с ним он как раз писал серию своих «Горбатовых», печатая вначале их в журнале «Нива», а затем выпуская их отдельными книгами. Издатель «Нивы» Адольф Федорович Маркс¹⁷ ему очень дорого платил за его сочинения, блиставшие большой фантазией и красивыми картинками. Он давно был женат, имел сына, названного в память дедушки Сергеем; в литературных работах его ему помогала совсем молоденькая сестра его жены, так как у него болели глаза, много писать он не мог, он ей диктовал свои романы. Диктуя, влюбился в очень хорошенькую родственницу, достиг ее взаимности и увез в Париж, где и сожительствовал с нею несколько лет, прижив от нее сына Борика¹⁸. В 1884 году мать наша вместе с ее теткой Н.А.Фадеевой поехали из Одессы в Париж повидаться с давно невиданной сестрой нашей матери Еленой Петровной Блаватской. Вот у нее-то они и познакомились с В.С.Соловьевым. Он не только писал романы, но и сумел своим собственным [положением] так заинтересовать всех, придав такую нехорошую окраску своей семье и первой жене, а себя выставить таким гонимым ни за что мучеником, что романтическое сердце нашей доброй матери растаяло, и сразу же она всему

¹¹ Надежда Андреевна Фадеева (1829–1919) – коллекционер, тетя Е.П.Блаватской, с конца 1860-х гг. проживала в Одессе.

¹² В 1893 году.

¹³ Детское имя Е.П.Блаватской.

¹⁴ Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879) – историк, ректор Московского университета (1871–1877).

¹⁵ Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) – философ-космист, поэт, публицист, литературный критик.

¹⁶ Я со своими подругами очень ими увлекалась. – *Примечание Н.В. Брусиловой.*

¹⁷ Адольф Федорович Маркс (1838–1904) – русский книгоиздатель.

¹⁸ Борис Всеволодович Соловьев (1884–1957) – морской офицер, капитан I ранга.

поверила, что бы он ни рассказывал. Он очень хитро и талантливо втерся в нашу семью, вначале письмами вскружив голову нам с сестрой Верой¹⁹, особенно мне. Впоследствии встретясь, я готова была рассориться со всеми своими, защищая своего друга и его жену Адель. Когда мы из Одессы переехали в Петербург, он также туда приехал, и мы видались почти ежедневно. В то время он хлопотал о разводе со своей первой женой Ольгой Иосифовной. Адвокат Болотов, славившийся своими бракоразводными делами, все это ему устроил. Адель приехала из Парижа, оставив крошку Борика у м-м де Морсье²⁰, чтобы обвенчаться с Всеволодом Сергеевичем. Это было очень трудно сделать, так как по закону жениться на сестре своей первой жены было нельзя. Но изворотливый адвокат нашел какого-то «подкупного попа», по выражению Всеволода Сергеевича, который и обвенчал их. В то время при «Святейшем синоде» адреса таких «священнослужителей», вернее попов-жуликов, были известны.

Кроме того, Адель не могла остановиться нигде, так как родные их, ни его, ни ее, к себе не пускали, а в гостинице нужен был вид на жительство, которого у нее не было. В то время купить за деньги все было возможно, но только в столицу без вида на жительство строгие и честные дворники не пускали. И так В[севолод] С[ергеевич] стонал и ломал руки в отчаянии, как устроить Адель на несколько дней, пока Болотов вручит им нужные бумаги. Мама наша всегда была очень большая защитница женских прав, вообще ее широкие взгляды на жизнь были известны, она никогда никого строго не винила. Кроме того, она всегда стремилась на помощь всем людям, попавшим в беду. И в этот раз она ни на минуты не задумалась над тем, что говорила Ольга Александровна Дитерихс²¹, ее друг юности; до меня случайно долетели слова последней: «Вера, что ты делаешь, у тебя взрослые дочери, зачем ты пускаешь к себе эту любовницу Соловьева. Ведь родная семья ее не хочет принимать...» Но, повторяю, чтобы выручить ее из беды, помочь ближнему, мать моя ни перед чем не останавливалась и в тот раз пригласила Адель к нам, в комнату своих дочерей. Я в своем молодом увлечении очень ее одобряла. Но, конечно, надо помнить, что это были восьмидесятые годы, и лицемерные взгляды тех времен, чтобы вполне оценить услугу, оказанную ею Всеволоду Сергеевичу и Адель Иосифовне. От нас они поехали венчаться, у нас и обедали в день свадьбы. Нам было весело, и все бесконечно смеялись над многими забавными подробностями всего этого происшествия. Брат наш, молоденький студент института путей сообщения²², ездил на Варшавский вокзал за вещами нашей гостьи, тщательно скрываясь от нашего дворника, чтобы не явился он к нам с домовою книгой преждевременно. Этот эпизод был бесконечной темой для острот Всеволода Сергеевича за нашим обедом в их честь. Но тостов за «единственных», верных друзей и клятв в бесконечной дружбе и преданности нам было еще больше.

Они уехали. Мы несколько не сомневались, что это действительно наши друзья. Все вечера этой зимы, что проводили мы вместе, Всеволод Сергеевич выспрашивал нас обо всем касающемся семьи нашей и родных нашей матери, ее сестры Блаватской, кузин и теток Витте²³ и Фадеевой. Мы, считая его своим другом, были вполне откровенны с ним, в силу чего много семейных дрызг и неурядиц, много курьезов в жизни нашей оригиналки тети Надежды Андреевны Фадеевой, много сплетен относительно экстравагантной молодости сестры нашей матери²⁴ стало ему известно. Вспоминая многое, я гораздо позже сообразила, как ловко Всеволод Сергеевич нас обо всем выспрашивал и как недостойно мужчины впоследствии нагородил сплетен и всех перессорил.

Из Петербурга в Лондон, оттуда в Одессу, в Париж и обратно летали письма и, в конце концов, он заварил такую кашу, что разобраться в ней свежему человеку было весьма трудно. Он также поссорил нас с Алексеем Алексеевичем Брусиловым и со многими другими.

¹⁹ Вера Владимировна Джонстон (1862–1920) – писательница, дочь В.П.Желиховской, с 1888 г. жена ирландского санскритолога, востоковеда и теософа Чарльза Джонстона (1867–1931).

²⁰ Эмили Морсье (1843–1896) – деятельница французского феминистского движения, филантропка, секретарь парижской секции Теософского общества.

²¹ Ольга Александровна Дитерихс (1835–1897) – жена генерала от артиллерии Ф.К.Дитерихса (1831–1899), директора Пажеского корпуса (1878–1894).

²² Валериан Владимирович Желиховский (1866–1888) – студент.

²³ Екатерина Андреевна Витте (1819–1898) – тетья Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской, с конца 1860-х гг. проживала в Одессе.

²⁴ Е.П.Блаватская.

Много лет спустя я поняла, в чем была суть его интриг. Скажу кратко. В жизни Е.П.Блаватской, столетие рождения которой теософы всего мира торжественно праздновали недавно, было много странных, даже непонятных вещей, в особенности в то далекое наше время. Тут не место об этом говорить. Знаю только, что с тех пор человечество дошло до таких чудес для наших старых понятий и знаний, что бросать голословные обвинения в шарлатанстве всему тому, чего не понимаешь или объяснения чего нет в нашей современной науке, довольно неосновательно. Если б нам сказали в то время, что мы будем слышать разговоры и музыку из Америки или из Москвы, сидя в Париже, мы бы только засмеялись такой «ерунде». Ну а вот теперь каждый день и в самой далекой глухой деревне все желающие слушать «радио» ловят волны в атмосфере. Из этого для меня ясно, что ученые индусы «Махатмы», Учителя, которых неисповедимыми путями нашла наша русская тетьа Елена Петровна в своих путешествиях по Индии, которые ее признали способной воспринять их познания в области неизвестного в то время «радио», могли многое знать, до чего человечеству вообще нужно еще дожить, чего ждать придется еще довольно много... Для меня ясно, что многое то, что у тети называлось «фокусами», «шарлатанством», со временем будет признано наукой. И так, если мы теперь слушаем «радио» и не удивляемся голосам и музыке, идущим из Америки, отчего не допустить возможности, что «Махатмы» Мория и Кут-Хуми могли научить Елену Петровну, благодаря ее психической восприимчивости, и более упрощенному способу слышать их голоса, и вызывать аккорды музыки. Все это может быть объяснено в будущем людьми науки, и я пока ставлю точку по этому вопросу. Скажу только, что Всеволод Соловьев требовал от Е.П.Б[лаватской], чтобы она научила его многим своим «фокусам», чтобы он, вернувшись в Петербург, мог удивлять всех своей оккультной силой наподобие своего героя, Горбатова, и кроме того хотел, чтобы она раздобыла в Индии от каких-то раджей или Махатм субсидию весьма реальную для того, чтобы он мог издавать в Париже оккультно-теософический журнал. Она ни первого, ни второго не могла для него сделать, так как ее индусские «Учителя» оказались действительно прозорливыми существами не от мира сего, ибо разгадали его махинации на расстоянии и предупредили ее об этом. Он до того обозлился, что говорил нам: «Я отомщу, она еще у меня запляшет со своими выдуманскими Махатмами». И отомстил. Вся эта история сильно повлияла на здоровье нашей тети. Мстить он начал еще при жизни ее²⁵, но когда вскоре она умерла, он стал писать и печатать о ней такие возмутительные грязные истории, такие клеветы и позорные выдумки, что мать моя, оскорбленная за сестру, сочла долгом своим печатно выступить на ее защиту. Здоровье ее также сильно расшаталось от этой истории; добившись издания своей ответной брошюрки, она недолго прожила, сердце ее было сильно надорвано. Бульварная, пошлая пресса подхватила соловьевский скандал и раздувала его. Но честная и серьезная пресса вся была на стороне нашей матери. Все сохранившиеся материалы по этому печальному делу я сдаю в русский исторический архив в Праге и там же моя пояснительная заметка к этим материалам и письмам того времени. Брат Всеволода Сергеевича, Владимир Соловьев, профессор, говорил: «Мне стыдно за брата», и что, вникнув в эту историю, он краснел за него. Жалею очень, что талантливая, резкая и справедливая статья В.П.Буренина²⁶ в «Новом времени»²⁷, жестоко отделавшая Всеволода Соловьева за его скверную роль, осталась в моих бумагах в Москве. Я далеко не все вывезла. И так, мы сообразили, к сожалению довольно поздно, каких наивных простодушных людей мы разыграли как по нотам по желанию хитрого и нечестного человека, которому семья наша была нужна для достижения желаемого, начерченного им плана. Как только он убедился, что дело сорвалось, он отбросил нас

²⁵ См.: *Тюриков А.Д.* Клеветническая кампания Всеволода Соловьева против Е.П.Блаватской в 1886 году. Хмельницкий, 2020.

²⁶ Виктор Петрович Буренин (1841–1926) – театральный и литературный критик.

²⁷ Речь идет о статье В.П.Буренина «Г. Всеволод Соловьев и жрица Изиды» (Новое время, 1892, №6038, 18 декабря), в которой автор, остро пройдясь и по личности «известного романиста», и по его книге, делал вывод, что в ней «Соловьев не совсем точно рассказывает о своих отношениях к Блаватской, переиначивает их, вообще, говоря выражением из одной комедии, “охотно привирает”; или же во время своего знакомства с жрицей Изиды он, как бы это выразиться повежливей, – он находился не совсем в здоровом состоянии». Но, тем не менее, Буренин заключил свою статью ложным утверждением, что Е.П.Блаватская вводила в заблуждение и Вс. С.Соловьева, и многих других.

В.П.Буренин не раз резко оценивал творчество Вс. С.Соловьева, см., например: Литературные очерки // Новое время, 1878, №743, 24 марта; Критические очерки // Новое время, 1884, №3168, 21 декабря; Из записной книжки критика // Новое время, 1896, №7233, 19 апреля.

и стал «мстить», т.е. писать невообразимые, гадкие клеветы на умершую нашу тетку. Мне особенно стыдно и больно вспоминать, как я жестоко оскорбляла маму и ее сестру, веря басням Соловьева про них. Я готова была слепо идти за Всеволодом Сергеевичем, так он сумел мне вскружить голову. Но когда, спустя некоторое время, он же добивался свидания с мамой у Брусиловых для переговоров о возвращении писем его²⁸, я хотела присутствовать при этом разговоре, но он не пожелал моего присутствия, вероятно боясь, что я могу ему многое напомнить... Письмо А.А.Брусилова ко мне по этому делу сохранено. Бедный человек, этот врожденный интриган, В.С.Соловьев, он тяжело умирал, кричал, бранился, будто действительно черная сила его затащила. При его кончине не было с ним ни жены, ни детей; совершенно случайно присутствовала и помогла ему в смертный час своими заботами одна наша общая хорошая знакомая, глубоко верующая христианка и теософка Н.В.Пшенецкая (скончалась в Париже в 1933 году)²⁹. От нее я знаю подробности его некрасивой жизни последних лет и тяжелой смерти. Также случайно оказалось, что наши родные могилы, мужа моего и брата³⁰, в Новодевичьем монастыре очутились совсем близко от могил семьи Соловьевых, но Всеволоду Сергеевичу в семейной ограде не оказалось места. Его большой, черного мрамора крест стоит тут же, но в стороне, между чужими могилами. Мне жутко и тяжело было всегда у его могилы.

Н.В.Брусилова.
(рожд[енная] Желиховская).

**Пояснительная заметка
к письмам писателя Всеволода Сергеевича Соловьева
и его второй жены Адель Иосифовны, рожд[енной] Ламкерт,
а также и многих других лиц
к нашей семье в то время и потому же делу³¹**

- 1) Письма его к Елене Петровне Блаватской.
- 2) К Вере Петровне Желиховской.
- 3) К Вере Владимировне Желиховской, впоследствии Джонстон.
- 4) К Надежде Владимировне Желиховской, впоследствии Брусиловой.
- 5) Письма второй жены Соловьева, Адель Иосифовны, к Н.В.Желиховской, в посл[едствии] Брусиловой³².

В своих юных воспоминаниях я упоминаю вскользь о тяжелой истории в нашей семье со Все[олодом] Сер[геевичем] Соловьевым. Об этом много писалось в английских, французских и русских журналах и газетах того времени. Теперь мне ворочать все это страшно³³. В то далекое время брат наш Ростислав и вся семья наша разошлись с лучшим другом Алексеем Алексеевичем Брусиловым, так как он оставался на стороне Соловьева. Очень скоро после этого умерла Елена Петровна Блаватская, а затем, позднее, и наша мать. Обе они были сильно потрясены этой нехорошей историей, значительно позже многие убедились, насколько была права наша мать, вступившаяся за свою умершую сестру. Но здоровье ее было сильно надорвано и сердце не выдержало жара сравнительно незначительного воспаления легких.

³⁴ Большая часть прессы была за маму. В «Нов[ом] вр[емени]» Суворин³⁵ и Буренин жестоко критиковали Соловьева. Беспощадно злая и остроумная статья Виктора Петровича Буренина у

²⁸ В конце 1891 – начале 1892 года.

²⁹ Нина Валентиновна Пшенецкая (1875–1933) – теософ, переводчица.

³⁰ Ростислав Николаевич Яхонтов (1858–1924) – кавалерийский офицер, генерал-майор (1917), сын В.П.Желиховской.

³¹ Публикуется впервые по: ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 87.

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

³² См.: ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 87, 88, 89, 90.

³³ Вся семья Соловьевых похоронена в Москве на Новодевичьем кладбище, недалеко от могил моего мужа и брата. Всеволод Серг[еевич] не попал в семейную ограду, а похоронен тут же, несколько дальше. Мне всегда было жутко подходить к его могиле. – *Примечание Н.В.Брусиловой.*

³⁴ Здесь зачеркнуто: Значительная.

меня сохранена, к сожалению, в московском сундуке. Философ Владимир Сергеевич Соловьев сказал моей матери: «Мне стыдно за моего брата, я много лет как разошелся с ним, но эта его книга о Вашей сестре заставила меня густо покраснеть». Его эти слова мне передал Всеволод Владимирович Крестовский³⁶, бывший при этом разговоре, но мать моя была настолько взволнована, что сказала нам только: «Я слов его не помню, но профессор Владимир Соловьев всецело на моей стороне и против своего брата!»

С тех пор и я состарилась, а тогда была совсем молодой. Из всех тогда действующих лиц никого в живых не осталось.

Как грустно, что такой талантливый и умный русский писатель, исторический романист так недостойно себя вел. Сын такого человека, как историк Сергей Михайлович Соловьев, и брат философа Владимира Соловьева! Ко всей этой семье у нас было глубокое почитание. Этим отчасти объясняется внезапное сочувствие и симпатия матери нашей к «несчастному» роману Всеволода Сергеевича. Она познакомилась с ним в Париже у сестры. Он вначале всеми силами старался на всех очаровать, дарил свою дружбой и преданностью. А затем, рассердившись на Елену Петровну за то, что ее индусские Мудрецы (Махатмы Мория и Кут-Хуми) открыли его карты ранее, чем он ожидал, обрушился на нее самыми грязными клеветами. Он вооружил нас против матери и тетки и много смуты внес в наши молодые души.

В том, что у Елены Петровны Блаватской было много гипнотических сил и оккультных знаний, в этом уж никто не смог и тогда сомневаться. Много странностей совершенно в то время для большинства непонятных было в этой женщине. Одно ясно: домашнее воспитание и образование русских барышень 40-ых годов не могло идти дальше уровня наших гимназий, иностранных языков, рукоделий и игры на рояле! А потому³⁷ все это не могло дать ей той премудрости, о которых она трактует в своей «Секретной Доктрине»³⁸ и других книгах. Она утверждала, что ей их диктуют ее «Учителя» в Индии, диктуют даже на расстоянии. В ее молодой жизни был пробел, когда самые близкие люди не знали, где она, где живет, что делает. Это было в продолжение многих лет. Вероятно, вот тогда она и была в науке у своих таинственных Учителей в Тибете. Портрет одного из них у нас есть с ее собственноручной надписью: «Вере Петровне Желиховской, да принесет он счастье в дом твой»³⁹. Теперь, когда законы «радио» уже схвачены человечеством, не следует сомневаться в том, что мы многого еще не знаем и не постигаем, что могло быть известно тибетским мудрецам и что со временем станет известно будущему человечеству... И тогда те феномены, которые случались около Елены Петровны покажутся пустяком, именно психическими или психометрическими фокусами, как она их сама называла. Бросать камнями в память умершей, не имевшей возможности помочь материально В.С.Соловьеву издавать теософический журнал и тем его сильно рассердившей, было бы стыдно людям. Я пишу эти строки для того, чтобы помочь разобраться в этой старой истории тем, кто заинтересуется ею. Книги Вс. С.Соловьева «Современная жрица Изида» у нас нет, но ответную брошюру моей матери на нее прилагаю, сохранившуюся в одном экземпляре⁴⁰, также и несколько писем того времени⁴¹. Среди них есть несколько от Адели Иосифовны Соловьевой (рожденной Ламкерт) ко мне. Это сестра его первой жены Ольги Иосифовны, которую он оставил с маленьким сыном Сережей на руках и увез 16-летнюю Адель в Париж, где и сожительствовал с нею, помнится, года три. У Адели родился Борик. Она была очень хорошенькая. Она рассказывала моей матери свой роман в таких грустных и симпатичных тонах, что всецело захватил ее симпатию в свою и Адели

³⁵ А.С.Суворин в начале 1893 г. опубликовал в «Новом времени» несколько писем В.П.Желиховской с критикой книги Вс. С.Соловьева «Современная жрица Изида» (см. письма В.П.Желиховской (Новое время, 1893, №6087, 8 февраля; №6090, 11 февраля; №6093, 14 февраля) и ответы на них Вс. С.Соловьева (Новое время, 1893, №6089, 10 февраля) и редактора журнала «Русский вестник» Ф.Н.Берга (Новое время, 1893, №6090, 11 февраля)).

Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912) – журналист, театральный критик, драматург, издатель газеты «Новое время» и журнала «Исторический вестник».

³⁶ Всеволод Владимирович Крестовский (1839–1895) – поэт, прозаик, литературный критик.

³⁷ Далее зачеркнуто: не м.

³⁸ «Тайная Доктрина» (англ. «The Secret Doctrine»).

³⁹ На портрете этом Махатма Мория удивительно красив. Не то, что современная нам обезьяна Махатма Ганди, прогремвший на весь мир политик-бунтарь. – *Примечание Н.В.Брусилловой.*

⁴⁰ См.: ГАРФ, ф. 5972, оп. 3, д. 45.

⁴¹ Далее зачеркнуто: сохранилось.

пользу против ее старшей сестры и всей его семьи⁴², почему-то его преследовавших. Он как камер-юнкер и известный в Петербурге человек не мог с ней вернуться в Петербург, ибо скомпрометировал себя сильно этим романом. Но, приехав один, долго хлопотал о разводе. Адвокат Болотов все это наладил. В этот период времени мы часто виделись, он приезжал к нам и нас к себе приглашал в «Европейскую» гостиницу, устраивая литературные вечера и всячески нас балуя. Наконец развод состоялся⁴³, и он вызвал из Парижа Адель. У нее не было вида на жительство, остановиться в гостинице она не могла, и наша добрая мать со своими широкими взглядами на жизнь пригласила ее к нам на несколько дней, чтобы помочь им во всем. Брат Валериан привез с вокзала ее вещи, чтобы дворник не обратил внимания на вновь приехавшую особу. Одним словом, наша семья все для них устроила и помогла во всех подробностях житейских. Когда адвокат Болотов все оформил, обвинил их у какого-то подкупного священника (на сестре жены жениться было церковью запрещено) и выправил все бумаги, Адель уехала от нас к нему в «Европейскую» гостиницу и затем они вместе уехали в Париж.

За обедом у нас в день свадьбы их Всеволод Сергеевич настоял, чтобы мы с Аделью выпили брудершафт и были на «ты».

Этой же весной мама с сестрой Верой ездили в Лондон к Елене Петровне, но в июне уже вернулись, а мы с братом Валею, сестрой Леной и няней оставались на даче в Петергофе. Как раз тогда Соловьевы приехали из Парижа и пока наладили все, чтобы найти дачу и купить необходимые вещи, они своего Борика поручили мне и няне нашей. Я с восторгом нянчилась с их милым крошкой, я была очень увлекающейся молодой особой. Она буквально заворожил⁴⁴ меня любовью к себе, Адели и Борику. Сына их взрослым моряком я никогда не видала. Мы все вскоре отшатнулись от Всеволода Сергеевича, ибо он хотел нас поссорить с родной матерью. Некрасиво это было.

Н.В.Брусилова.

1932 г. Прага.

⁴² Далее зачеркнуто: его.

⁴³ Далее зачеркнуто: и он уехал в Париж за Адель.

⁴⁴ Далее зачеркнуто: нас.